

Л.П. Бельский

Калевала
Финская народная эпопея

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.П. Бельский**
Калевала: Финская народная эпопея / Л.П. Бельский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 615 с.

ISBN 978-5-518-02269-0

ISBN 978-5-518-02269-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Калевала“ есть финская народная эпопея, состоящая, какъ эпопеи Гомера, изъ отдѣльныхъ рунъ или пѣсень, связанныхъ между собою единствомъ мѣста и дѣятельностью героевъ.

Она давно уже обратила на себя вниманіе изслѣдователей народнаго эпоса и мифологіи, представляя собою переходную ступень народнаго эпоса между болѣе древнимъ, когда предметомъ пѣснопѣнія служатъ только боги и стихіи, — какова, напр., греческая Теогонія — и позднѣйшимъ, эпосомъ героическимъ, въ которомъ съ трудомъ раскрываются древнѣйшія черты поэзіи о богахъ и стихіяхъ — каковы, напр., русскія былины. Финскій эпосъ — поэзія стихій, тѣсно связанная съ поэзіей героической и бытовой. Онъ имѣетъ то неоцѣнимое достоинство, что раскрываетъ подробно связь между героями и порождающими ихъ стихійными силами. „Калевала“ по большей части не очеловѣчиваетъ вполне стихійныхъ силъ, какъ дѣлаетъ это поэзія греческая, надѣляющая стихійныя божества чело-вѣскою нравственностью, но даетъ имъ только чело-вѣчскій видъ, оставляя въ нихъ ихъ стихійныя силы, чуждыя чело-вѣческой нравственности. Нравственныя божества стоятъ отдѣльно отъ стихійныхъ: такъ Хіиси исключительно богъ зла, не приурочиваемый ни къ какой стихіи, Ильматаръ — мать воды — исключительно стихійная сила, не вѣдающая ни зла, ни добра, только ея сынъ есть уже стихія очеловѣченная, одаренная и нравственными свойствами — это Вейнемейненъ;

есть герои чуждые стихійной силы, напр. Юагайненъ. Таково значеніе „Калевалы“ въ ряду эпическихъ народныхъ произведеній, въ отношеніи мнѣическаго міросозерцанія народовъ.

Другое высокое значеніе „Калевала“ имѣеть по ея взгляду на пѣсню и музыку. Взглядъ этотъ носить на себѣ слѣды глубокой древности, слѣды жизни, полной своеобразной, суетвѣрной таинственности. „Калевала“ допускаеть одно пѣніе, это— заклинательныя пѣсни, заговоры; прочія пѣсни, по мнѣнію ея героевъ,—только женская забава; поэтому придаетъ великое значеніе человѣческому слову. могущему по произволу созидать и разрушать своими звуками и заключающеюся въ нихъ мыслью. Отсюда вытекаетъ взглядъ на человѣка, какъ на могучаго владыку природы. Это тѣмъ болѣе странно, что финская природа, величественная и непокорная, должна бы, наоборотъ, низвести человѣка на степень ничтожнаго, безсильнаго существа, во мнѣніи финна, который менѣе чѣмъ кто-либо имѣеть возможность бороться съ грозными явленіями своей родины. Но, можетъ быть, именно это-то постоянное чувство своего ничтожества и создало тѣ несбыточныя мечтанія, ту безграничную игру фантазіи, гдѣ финнъ рисуетъ своихъ героевъ владыками природы, какъ бѣдный сынъ пустыни строить въ своей фантазіи поражающіе роскошью дворцы. По воззрѣніямъ „Калевалы“, всемогущество заключается въ познаніи сущности вещей, т. е. ихъ происхожденія и бытія. Вѣщій человѣкъ, одаренный такими познаніями, своимъ словомъ, заговоромъ и заклинаніемъ можетъ творить чудеса; со всякой вещью онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно, если только знаетъ ея происхожденіе: онъ останавливаетъ кровь, вытекающую изъ раны, нанесенной желѣзомъ, рассказывая о происхожденіи желѣза; излѣчиваетъ укушеніе змѣи рассказомъ о происхожденіи змѣй; герои „Калевалы“ своимъ заклинательнымъ пѣніемъ создаютъ лѣса, овера, скалы, превращаются сами въ различныхъ животныхъ и превращаютъ другихъ; такъ герой превращаетъ насмѣшливую дѣвушку въ

цаплю, колдунья оборачивается ястребомъ, вѣщій Вейнемейненъ оборачивается змѣей и щукой, превращаетъ лошадь въ скалу, рукавицы въ цвѣты и т. п. Но человѣкъ „Калевалы“, владыка природы и людей, не можетъ управлять стихійными божественными силами и обращается къ нимъ съ молитвою, какъ къ божествамъ.

Не только слову пѣсни придаетъ финская эпопея такое великое значеніе, но и самой мелодіи ея, самой музыкѣ. Могуцій заклинатель Вейнемейненъ былъ и изобрѣтателемъ перваго музыкальнаго инструмента — кантеле. Кантеле играетъ въ „Калевалѣ“ роль неоцѣннаго сокровища, добыть которое стремятся многіе, но никто не можетъ имъ управлять, кромѣ Вейнемейнена. Звукъ кантеле не менѣе могущественны, чѣмъ мелодіи Орфея. Послушать кантеле сходятся звѣри, рыбы и русалки. Высокой, вѣжной поэзіей проникнуты руны „Калевалы“, изображающія игру Вейнемейнена на кантеле. Таковъ взглядъ финской эпопеи на слово и музыку.

Перейдемъ къ краткимъ свѣдѣніямъ по финской мифологіи и космогоніи, необходимымъ для читателя „Калевалы“.

Міръ и стихіи представляются тѣлами, въ которыхъ различаются двѣ части: матерія и сила. Сила эта проникаетъ всю матерію и неразрывно съ нею связывается. Но сама сила олицетворяется, представляется въ человѣческой формѣ. Каждая сила имѣетъ въ себѣ свои частныя силы, которыя олицетворяются, въ свою очередь, по большей части, въ образѣ дѣвъ и дочерей. Такъ, сила воздуха имѣетъ свои частныя силы: дѣвъ воздуха, дочерей воздуха; творческая сила имѣетъ дѣву творенья или дочь творенья; есть дѣвы солнца, мѣсяца, воды и т. д.

Творецъ всего міра есть Юмала; подъ Юмалой разумѣется зиждительная и правящая міровая сила. За нимъ слѣдуетъ Укко — творецъ всего видимаго. Онъ есть сила видимаго неба, тверди, воздуха; нравственное его свойство — добро. Воздухъ порождаетъ дочь Ильматаръ, которая, въ свою очередь, дѣ-

дается матерью воды. Воздухъ же порождаетъ утку, начало твердыхъ существъ; изъ яицъ утки образуется суша и небесныя свѣтила. На сушѣ мать воды образуетъ скалы, берега, рифы, т. е. вода была причиной возникновенія различныхъ видовъ суши.

Когда образовалась вода, свѣтила и части суши, но не было еще растеній, мать воды, зачавъ отъ вѣтра, рождаетъ перваго героя, вѣщаго старца Вейнемейнена (Вейнемейненъ или Вейно—отъ vaino==страстное желаніе). Такъ этотъ первый человѣкъ и герой происходитъ отъ сочетанія воды и воздуха, но рождается съ человѣческими нравственными свойствами.

Вейнемейненъ творитъ на землѣ растенія при помощи Укко. У него есть братъ Ильмариненъ, сынъ воздуха. Ильмариненъ—вѣщій кузнецъ, повелитель вѣтровъ. Такъ небесная стихія проявилась на землѣ въ двухъ своихъ частяхъ: жидкая часть, влага, дала Вейнемейнена, газообразная, воздухъ—Ильмаринена. Послѣ воды, созданъ второй ея братъ—огонь, а за нимъ младшій братъ—желѣзо, происшедшее изъ молока дѣвъ воздуха. Таковы произведенія добрыхъ небесныхъ силъ.—Злое начало является въ „Калевалѣ“, въ видѣ коварнаго божества зла Хіиси, имѣющаго свое царство на землѣ, владѣющаго лебедемъ, лосемъ и огромною рыбою. Противъ его возней борются герои „Калевалы“, призывая на помощь добраго Юмалу и Укко. Баба-яга „Калевалы“—злая Лоухи—не есть однако непосредственное порожденіе Хіиси. Она порожденіе холода (Protar—дочь снѣговъ). Лоухи живетъ въ вѣчно мрачной странѣ Похьолъ, на крайнемъ сѣверѣ, за холоднымъ моремъ, и повелѣваетъ морозами и снѣгами. Лоухи и ея мрачный народъ враждуютъ съ порожденіемъ добрыхъ началъ—свѣтлыми героями „Калевалы“. Лоухи-же помогаетъ рожденію на свѣтъ болѣзней, на гибель всѣмъ людямъ. Ихъ родила слѣпая дочь царя мертвыхъ, въ видѣ девяти сыновей (старшій—колотья, второй—чахотка, послѣдній—зависть). Лоухи похищаетъ солнце и мѣсяцъ въ свѣтлой странѣ Калевалѣ и заключаетъ

ихъ въ пещеру, губить скоть въ Калевалѣ, такъ что всѣ бѣды порождаются для сѣверныхъ людей чрезъ посредство злой колдуньи, дочери снѣговъ. Лоухи—суровая сѣверная зима. Финнъ, житель крайняго сѣвера, зимой не видитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ солнца, заболѣваетъ разными болѣзнями, теряетъ скоть во время ужасной стужи, и все это для него дѣла зимы—Лоухи.

„Калевала“ имѣетъ свой адъ—подземный островъ Туонелу, царство мертвыхъ, съ царемъ Туони, его женой, его дочерью Туонетаръ, съ адскимъ лебедемъ, медвѣдемъ и щукою. Въ адъ переправляются черезъ рѣку Туони. Адская пища— пиво, кипящее лягушками и змѣями. Противоположность аду, Туонелѣ, составляетъ обитель Юмалы, находящаяся въ надзвѣздной области: тамъ въ драгоценныхъ сосудахъ готовятся цѣлебныя мази для оживленія убитыхъ и исцѣленія ранъ.

Мѣсто дѣйствія „Калевалы“—область того-же имени, свѣтлая Калевала, и Похьола—мрачная страна сѣвера. Калевала (страна Калевы) населена добрыми потомками Калевы, или Осмо, отца героевъ. Роль старшаго героя принадлежитъ Вейнемейнену; онъ благодѣтель своей родины, назначеніе его—творить добрыя дѣла; и какъ только онъ въ первый разъ постановляетъ жестокое рѣшеніе, совѣсть его заставляетъ покинуть свою родину,—этимъ и кончается собственно эпопея. Обитатели вѣчно мрачной Похьолы завидуютъ благосостоянію жителей Калевалы, богато засѣянной деревьями и травами и освѣщаемой круглый годъ солнцемъ. Младшій изъ героевъ Калевалы, веселый Лемминкейненъ, ведетъ постоянную войну съ жителями Похьолы. Лемминкейненъ—типъ младшаго брата русскихъ сказокъ, съ одной стороны, а съ другой, онъ близокъ съ Чурилой и Алешей Поповичемъ, какъ опасный соблазнитель женщинъ.

Обитатели Калевалы не входили-бы въ сношенія съ жителями Похьолы, если-бы имъ не приходилось ѣздить туда свататься къ дочери Лоухи. Это сватовство и есть связующая

нить всей эпопеи. Самъ Вейнемейненъ ѣдетъ свататься въ Похьолу, но за свою дочь Лоухи требуетъ отъ него второе сокровище эпопеи — Сампо, мельницу-самомолку, которую выковыриваетъ съ большимъ трудомъ Ильмариненъ. Въ представленіи Сампо, какъ 'сокровища, сказалась бытовая черта финскаго народа, бѣднаго хлѣбомъ. На крайнемъ сѣверѣ хлѣбъ особенно драгоцѣненъ; поэтому хлѣбъ въ Калевалѣ дороже золота и серебра. Степени потребностей финна высказываются въ спорѣ Вейнемейнена съ лапландцемъ Ювагайненомъ, который, желая откупиться, предлагаетъ старцу одно за другимъ: лукъ, лодку, коня, золото, хлѣбъ и, наконецъ, свою сестру. Въ этомъ порядкѣ хлѣбъ занимаетъ мѣсто, по важности уступающее только семьѣ.

Бытовые черты даже въ подробностяхъ встрѣчаются въ эпопеѣ: здѣсь читатель встрѣтитъ финскую жизнь, положеніе женщины, семейныя отношенія, обычаи, одежду финновъ, ихъ обстановку. Укажемъ нѣсколько такихъ чертъ: хозяйство у финна „Калевалы“ — подсѣчное; женщина-мать — представительница домашняго очага; молодая женщина — работница въ домѣ; женскій головной уборъ — повязка, спускающаяся на лобъ съ привѣшенными у висковъ подвѣсками; дѣвица ходитъ съ выпущенной косой, замужняя должна закрывать волосы. Изъ суевѣрныхъ обрядовъ упоминаются гаданія по мозгамъ птицъ и по ольховымъ колышкамъ. Въ „Калевалѣ“ сказалась вся бѣдность житейской обстановки сѣвернаго жителя. Герои эпопеи, создающіе словомъ своимъ лѣса и горы, не могутъ ничего предложить своимъ женамъ, кромѣ вѣчной хозяйственной работы: стряпни, мытья, услугъ мужу и жалкаго развлечения — поглядѣть въ окошко или полакомиться медовыми лепешками. Въ „Калевалѣ“ встрѣчаются указанія на первобытную эпоху, напр. на происхожденіе домашняго огня отъ молніи. Огонь еще не умѣли добывать и должны были постоянно поддерживать его на очагѣ.

Вообще въ „Калевалѣ“ много сказочныхъ чертъ, общихъ со

сказочной поэзіей другихъ народовъ; здѣсь и частоколь, на каждомъ колѣ котораго надѣто по человѣческому черепу, и оживленіе мертвой и живой водой, и огненные водопады, и поля, усѣянные змѣями, и дороги, утыканныя иглами, мечами и топорами, и дитя, плавающее въ бочкѣ по морю, и орелъ, выносящій на себѣ богатыря, и т. д.

Иногда фантазія „Калевалы“ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ; она, напримѣръ, изображаетъ быка столь огромнаго, что отъ одного конца хвоста до другого ласточка летитъ цѣлый день, и этого быка, убитаго карликомъ, жарятъ на свадьбу; или напр. у героя изъ одного пальца вытекаетъ семь лодокъ крови. Такое направленіе фантазіи, конечно, находится въ связи съ грандіозностью природы, среди которой живетъ финнъ. Бушующее море, со всѣхъ сторонъ его окружающее, нагроможденныя повсюду скалы, поросшія вѣковыми лѣсами, весенніе потоки, бьющіе съ утесовъ водопадами. вѣчно кипящіе огромные водопады, дикое фантастическое завываніе зимнихъ буръ въ безчисленныхъ ущельяхъ—все это заставляетъ фантазію финна расширять свой кругозоръ, и она, стремясь все дальше и дальше, переходитъ предѣлы возможнаго. Въ то-же время чудовищно созданное фантазіей смѣшивается съ житейской обстановкой бѣднаго финна; напр. Вейнемейненъ совершаетъ чудесное превращеніе лошади Юкагайнена въ скалу, дуги въ молнію, а Юкагайнень хочетъ откупиться отъ него простымъ лукомъ.

Въ заключеніе уважемъ нѣкоторыя особенности слога этого оригинальнаго эпоса: это—1) почти постоянное сопоставленіе синонимовъ въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ; напр. въ одномъ стихѣ: дѣва, въ слѣдующемъ: дѣвица, дѣвушка; 2) синонимическое повтореніе стиха, напр.

Если ты вернешь замятые,
Злой свой заговоръ воротинь;

3) это стремленіе почти синонимически разнообразить два

рядомъ стоящіе стиха повлекло за собой странное смѣшеніе чиселъ: если въ первомъ стихѣ указывается какое-либо число предметовъ, то въ слѣдующемъ эти предметы, оставаясь въ томъ же числѣ, называются въ числѣ большемъ:

Шесть онъ зернышекъ находитъ,
Семь сѣмянъ онъ поднимаетъ;

или еще болѣе странное сопоставленіе:

На шестую ночь скончалась,
На осьмую умерла бы.

Въ переводѣ тщательно сохранены эти странности.—Первыя свѣдѣнія о финской поэзіи проникли въ Европу еще въ концѣ XVII вѣка, въ изслѣдованіи нѣмецкаго языка *Moghofa*, который помѣстилъ въ своемъ сочиненіи одну финскую пѣсню. Но до нынѣшняго столѣтія финская поэзія мало была извѣстна. Только со времени Я. Гримма ни одинъ изслѣдователь народной мѣлологіи и эпоса не можетъ не обращать на нее вниманія. Въ сороковыхъ годахъ Ленротъ, изслѣдователь и знатокъ финской поэзіи, посвятилъ себя собранію финскихъ поэмъ изъ устъ народныхъ пѣвцовъ въ Финляндіи и архангельской губерніи; результатомъ его трудовъ была выпущенная имъ въ 1849 году „Калевала“, въ 50 рунахъ или въ 22793 стихахъ. Тогда же „Калевала“ была переведена на шведскій языкъ Кастреномъ, на нѣмецкій Шиффнеромъ и появилась во французскомъ переводѣ *Léouzon le Duc*. На русскомъ языкѣ, до сихъ поръ, нѣтъ полнаго перевода „Калевалы“.

Небольшіе отрывки изъ нея даны были еще Я. К. Гротомъ въ „Современникѣ“ 1840 года. Въ восьмидесятихъ годахъ появилось нѣсколько отдѣльно изданныхъ рунъ въ переводѣ г. Гельгрена. Этотъ переводъ представляетъ попытку передать финскую эпопею русскимъ народнымъ языкомъ. Но недостаточное знакомство съ русскою народною рѣчью дѣлаетъ переводъ этотъ не всегда удобочитаемымъ. Таковы, напр., слѣдующіе стихи:

«Ото ржи пошло желѣзо».

Здѣсь „ржи“ должно значить „ржавчины“; или:

«Такъ живучи опостыло» и т. п.

Что касается „Калевалы“ будто бы въ переводѣ Гранстрема, то намъ кажется страннымъ, почему авторъ выдалъ свой трудъ за переводъ; книга г. Гранстрема есть свободное изложеніе только нѣкоторой части „Калевалы“.

Мы предлагаемъ полный русскій переводъ финской эпоса, сдѣланный трохаическимъ размѣромъ, наиболее близкимъ въ силлабическому восьми - сложному размѣру подлинника.

Л. Бѣльскій.
